

А.Н. Попов

Шлецер

**Рассуждение о русской
историографии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Попов**
Шлецер: Рассуждение о русской историографии / А.Н. Попов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 87 с.

ISBN 978-5-518-06967-1

ISBN 978-5-518-06967-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наго предположенія? Положительное рѣшеніе сего вопроса само собою приведетъ къ надлежащему опредѣленію Шлецера направленія и оцѣнить важность и значеніе его мнѣній въ наукѣ Русской Исторіи. Если каждое его мнѣніе основано на показаніяхъ лѣтописей, соображенныхъ между собою и оцѣненныхъ критически, въ такомъ случаѣ они имѣютъ важность *историческую*; если же они представляются только выводами изъ принятой напередъ гипотезы, то важность каждаго изъ этихъ мнѣній порознь будетъ только *логическою*, основанною на болѣе или менѣе строгой послѣдовательности съ первою гипотезою; дѣйствительное же ихъ достоинство будетъ измѣряться степенью основательности, вѣроятности, или справедливости самаго перваго предположенія. Кромѣ того, отдѣльныя мнѣнія Шлецера разобраны послѣдующими писателями и болѣею частию опровергнуты: между тѣмъ какъ вопросъ объ его направленіи, сколько намъ кажется, до сихъ поръ не былъ рѣшенъ окончательно.

II.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ простаго, историческаго разсказа о происшествіяхъ, встрѣчаемъ личныя мнѣнія лѣтописателей, которые указываютъ на нѣкотораго рода критическія соображенія (*). Въ

(*) Венелинъ указалъ на это въ отношеніи къ частному вопросу о переселеніи Славянъ (Скандинавомалія. Моск. Изд. 1836

первомъ нашемъ лѣтописцѣ, Несторѣ , встрѣчаемъ подобныя мнѣнія. Такъ утверждаетъ онъ , что съ царствованія Михаила *начаса прозывати Русска земля* (*); объ этомъ, онъ продолжаетъ, мы знаемъ потому, что при Михаилѣ Русь приходила на Царьградъ, какъ это пишется въ Греческомъ лѣтописцѣ; *тѣмъ же отсель почнемъ и числа положимъ*. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Несторъ различаетъ преданіе отъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи лѣтописи. Говоря *отсель почнемъ*, выражаетъ то мнѣніе, что письменные источники онъ цѣнитъ болѣе, нежели простое преданіе, на основаніи котораго онъ повѣствовалъ до сихъ поръ о Славянскихъ племенахъ. Онъ отыскиваетъ причины явленій и на ихъ основываетъ свои мнѣнія (**), оцѣниваетъ достоинство преданій и отличаетъ истинныя отъ ложныхъ (***). Въ такомъ видѣ продолжается лѣтопись до 2-й половинѣ 11 столѣтія. Съ этого времени лѣтописецъ начинаетъ записывать современныя ему происшествія, и характеръ лѣтописи совершенно измѣняется. Просто, безъ всякихъ изслѣдованій, онъ повѣствуетъ о происшествіяхъ, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, или слышалъ отъ

Окт. 1. 297 стр.); за нимъ Г. Максимовичъ высказалъ это, какъ общую мысль, въ отношеніи ко всемъ лѣтописцамъ и переписчикамъ (Откуда идетъ Русская земля, Кіевъ. 1837—57 и д.).

(*) Лавр Полное собраніе Рус. лѣтописцевъ. I. стр. 7.

(**) Отъ Руси нача прозыватися Руска земля. Лавр. 9.

(***) Несвѣдающе рекоша, яко Кій есть перевозчикъ былъ у Кіева, бо бише перевозъ тогда с оныя стороны Дѣвира. Аще бо бы перевозчикъ Кій, то не бы ходилъ къ Царюграду, но и Кій кияжаше въ родъ своемъ.

самовидцевъ. Такого рода современныя записки продолжаются почти до половины 17-го столѣтія, до Алексѣя Михайловича; «а онаго Государя дѣла,» говоритъ Татищевъ (*), и по немъ многія пужнѣйшія и особливо военныя остались въ забвеніи; не безъ такихъ хотя людей было, чтобы его дѣла описывали: но погибли оной причина учрежденная Тайная Канцелярія, которой опасаясь, писать не смѣли или написанное истребляли.» Нельзя согласиться съ Татищевымъ, чтобы единственно эта причина остановила ходъ нашей исторіографіи; внѣшнія средства не останавливаютъ и не могутъ остановить внутренней потребности просвѣщенія идти впередъ. Сочиненіе Котошихина можетъ служить тому доказательствомъ. Нельзя было писать въ Россіи; оно написано въ Швеціи и, не смотря на то, въ Исторіи Русской исторіографіи заняло мѣсто вслѣдъ за послѣдними лѣтописями царствованія Михаила Феодоровича.

Прекращеніе лѣтописей и видная приостановка въ Русской исторіографіи зависѣла отъ того переворота, который совершался въ это время во всей жизни Русскаго народа, государственной, общественной и духовной.

Наши лѣтописи были искони выраженіемъ мысли всего Русскаго народа; потому въ исторіи лѣтописей видимъ измѣненія, соответствующія измѣненіямъ общественной жизни Россіи. Земля Русская выражается первоначально въ одномъ Кіевскомъ княженіи, все сходится къ одному средоточію, къ

(*) Татищ. Истор. Рос. 1 гл. 6—60 Истор. Шлец. введ. 1 отд. въ концѣ.

матери Русских городов, въ одно общественное цѣлое. И одна лѣтопись соотвѣтствуетъ этому времени, лѣтопись Нестора. Съ 12 столѣтія Русь распалась на удѣлы; мысль объ единствѣ земли Русской пребывала въ народномъ убѣжденіи или какъ воспоминаніе прошлаго, или какъ надежда на будущее, поддерживаемая духовнымъ единствомъ вѣры. Лѣтопись раздробилась на многія мѣстныя; явились особенныя лѣтописи Новгорода, Пскова, Волыни, Суздаля и другихъ городов и земель. Но всѣ онѣ начинаются Несторомъ, всѣ сходятся въ единствѣ первоначальныхъ преданій. Съ единодержавія Московскаго разрозненныя части древней Руси вновь соединились въ одно цѣлое. Лѣтопись изъ разныхъ и мѣстныхъ превращается въ одну сводную; таковы на пр. Степенныя Книги. Со времянь Алексѣя Михайловича прекращаются лѣтописи. *Въ это время, съ одной стороны, они начинаютъ принимать придворный характеръ: таковы дворцовыя записки царей Михаила и Алексѣя Михайловича; съ другой личный характеръ сочинителей, какъ Пиконовская лѣтопись.* Появленіе личнаго начала въ это время объясняетъ возможность такого рода сочиненій въ Русской исторіографіи того времени, какъ сочиненіе Котошихина. Шлецеръ говоритъ, что у Русскихъ сильно развито участіе къ своей исторіи, даже у полуобразованныхъ всегда найдешь лѣтопись, не говоря уже о монастыряхъ и частныхъ библіотекахъ. Отъ того такое множество списковъ лѣтописей. Если такъ было во время Шлецера, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ древней Россіи участіе къ своей исторіи было еще сильнѣе. Въ этомъ всеоб-

щемъ познаніи, въ этомъ согласіи съ жизнію дѣйствительною, лѣтопись находила свое оправданіе. Она не была наукою, объясняющею жизнь, будучи однимъ изъ ея выраженій. Въ эпоху переворота лѣтопись перестала быть голосомъ народа, не сдѣлавшись еще исторіею; она колебалась между лучшими мнѣніями и простымъ сборомъ фактовъ.

Привести въ согласіе частныя мнѣнія съ фактами, съ преданіемъ; возвести личное мнѣніе на общую ученую степень и оцѣнить преданія: такова была задача новаго времени, стало быть и задача Академіи въ отношеніи къ Русской Исторіи. Петръ Великій уже думалъ объ учрежденіи Академіи. Она была учреждена въ 1724 году, 20 Января, и 22 числа того же мѣсяца утверждень для нея уставъ, написанный Блюментростомъ. Цѣль Академіи, какъ сказано въ самомъ указѣ, состояла въ томъ, *чтобы науки производить и совершать*. При Академіи была учреждена кафедра Русской Исторіи и ученый Байеръ занялъ ее первый, за нимъ Миллеръ и наконецъ Шлецеръ, въ своихъ ученыхъ трудахъ довершившій и выразившій вполнѣ направленіе своихъ предшественниковъ.

Положеніе Шлецера въ Академіи, сдѣлавшагоси первоначально адъюнктомъ кафедры Миллера, условливало его значеніе въ отношеніи къ Русской Исторіи; но еще болѣе это отношеніе *опредѣлилось* его личнымъ характеромъ. Чтобы *опредѣлить* этотъ характеръ, обратимъ вниманіе на жизнь Шлецера.

III.

Августъ Людвигъ Шлецеръ родился 5-го Іюля 1735 года въ Гогенлоэ-Кирхенбергъ; его отецъ былъ протестантскимъ священникомъ. Окончивъ ученіе въ городской школѣ, онъ поступилъ въ аптеку, потомъ на 16 году, перешелъ въ Виттенбергскій Университетъ, и наконецъ Геттингенскій (1754), гдѣ занимался Богословіемъ и защищалъ диссертацию *de vita Dei*. «Будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, говоритъ его біографъ (*), онъ велъ свой дневникъ, собиралъ все получаемыя имъ пьесы, анекдоты, пословицы и составлялъ реэстры книгамъ.» Въ Университетѣ Мозгеймъ, преподававшій церковную Исторію, и особенно Михаэльсъ привлекли его вниманіе. Въ это время въ Германіи успливалось то раціональное направленіе, которое въ концѣ прошлаго столѣтія дошло до своей крайности. Послѣ прекращенія войнъ Фридриха Великаго, для Германіи наступилъ долготѣтній миръ. Вънѣшнее броженіе остановилось и внутреннія силы пришли въ движеніе. Съ одной стороны вырабатывались начала, для новаго блестящаго періода Германіи въ литературномъ и ученомъ отношеніи; съ другой, отживало и разрушалось старое: и схоластическая неподвижность науки и разрозненность общественной жизни. Мозеръ столько же возставалъ противу закоренѣлыхъ политическихъ привычекъ, унижавшихъ челоуѣка, сколько и противъ «породы

(*) Schloezer v Boek. Hann. 1844. 16.

людей, называемыхъ профессорами,» какъ онъ выражается, ремесленною неподвижностію унижавшихъ науку. Клопштокъ . Фоссъ и Бюргеръ приготавливали будущее развитіе поэзіи; критическое направленіе Лессинга пробуждало народное сознаніе, а раціонализмъ отрывалъ науку отъ старыхъ преданій и погружалъ въ новыя изслѣдованія. Труды Гесснера уже начинали предвѣщать новое движеніе филологіи: Випкельманъ издалъ археологію и исторію искусства. Мысль о Германской народности сильно пробудилась въ это время и предвѣщала другую мысль объ единствѣ въ Германіи. «Михаэлисъ,» какъ говоритъ біографъ Шлецера (*), библейскія древности очищалъ отъ Іудейскихъ и Іезуитскихъ затѣй, и объяснялъ посредствомъ филологіи и естественныхъ наукъ Моисеево право.» Михаэлисъ любилъ Шлецера и, заботясь о немъ, доставилъ ему мѣсто учителя въ Шведіи.

Въ Упсалѣ и потомъ въ Штокгольмѣ (1755—59) Шлецеръ занимался естественными науками, восточными языками, исторіею и политикою, къ которой его привлекли современныя ему происшествія въ Шведіи. Оттуда онъ отправился въ Любекъ съ цѣлію найти средства ѣхать на Востокъ. Въ Любекѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, продолжая свои прежнія занятія и сверхъ того изучая науки математическія и торговлю. Онъ думалъ войти въ сношеніе съ какимъ-нибудь торговымъ домомъ и устроить поѣздку на Востокъ, между тѣмъ получилъ приглашеніе ѣхать въ Россію. До сихъ поръ труды

(*) Ibid. 17.

Шлецера состояли въ многосложныхъ приготовленіяхъ; разнообразныя предметы входили въ составъ его ученой дѣятельности, ни на чемъ еще не успѣвшей сосредоточиться. «Многосторонность даетъ самостоятельность,» говоритъ его біографъ: «разнородныя занятія пробуждаютъ и сохраняютъ особенность таланта; между тѣмъ какъ раннее погруженіе въ одинъ предметъ сокращаетъ кругъ зрѣнія и уничтожаетъ плодовитость даже лучшихъ умовъ» (*). Въ Россіи нѣсколько сосредоточилась дѣятельность Шлецера: исторія сдѣлалась, если не исключительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ предметомъ его занятій. Но его дѣятельность выразилась вполнѣ только въ Геттингенѣ, куда онъ возвратился изъ Петербурга и провелъ остальное время жизни (1769 — 1809), занимая катедру исторіи и статистики въ тамошнемъ Университетѣ. Къ этому времени принадлежатъ важнѣйшія сочиненія Шлецера. Вся его дѣятельность была непрерывно посвящена преподаванію, литературѣ и журналистикѣ, исключая двухъ кратковременныхъ путешествій въ Парижъ и Италію.

Шлецеръ думалъ черезъ Францію проѣхать только въ сѣверную Италію и Испанію: но Парижъ такъ сильно привлекъ его вниманіе, что онъ прожилъ тамъ все время, предназначенное для путешествія. Онъ не только помирлся съ Французами, но призналъ ихъ первымъ народомъ въ мірѣ. Практическое направленіе Парижанъ, къ которому отъ природы Шлецеръ имѣлъ склонность, увлекло его совершенно.

(*) Ibid. 18.

Италія произвела на него впечатлѣнія другаго рода. Съ восторгомъ онъ въѣхалъ въ Ломбардію; но этотъ восторгъ зависѣлъ отъ перемѣны мѣста, быстро перехода изъ одного города въ другой, отъ самаго путешествія, всегда пріятнаго для живаго, дѣятельнаго характера. О видахъ прекрасной природы онъ заботился мало и еще менѣе о произведеніяхъ искусства (*). Они надоели ему послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія его въ Римѣ. И между тѣмъ какъ другіе, не замѣтно увлеченные прелестію искусства, посвящаютъ годы на изученіе памятниковъ, собранныхъ въ вѣчномъ городѣ, Шлецеръ занимался статистикою Папской области и внимательно замѣчалъ за всѣми мелочами одеждъ Римскихъ жителей и за погодой. Такой недостатокъ художественнаго чувства Шлецеръ выразилъ въ своемъ взглядѣ на исторію древней Греціи. Онъ ничего не находилъ въ ней достойнаго вниманія историка: «ея государства были слабы и безсплыны, ея просвѣщеніе касалось предметовъ ничтожныхъ, любовь ко внѣшней красотѣ и искусствамъ преувеличена, религія глупа и не могла дѣйствовать на сердце,» (**), и т. п.; не перечислишь всѣхъ браней, которыми осмѣяетъ Шлецеръ непонятую имъ Грецію. Въ исторіи Италіи онъ также

(*) *Pompejs führen wir gestern in Italien ein. . . . Doch ich mache mir nichts aus Gegenden, aber die Leute sind scharmant. . . . Gestern Abend holten wir frische Citronen aus des S. Quistis Garten; auch bekamen wir Abendmusik auf der Strasse; bezahlten wir nichts, sonst wäre des Ding kein Ende worden.* Письмо изъ Вероны 29 Нояб 1791. Вѣд. стр. 37.

(**). *Ibid.* 69.

не замѣчаетъ ничего, кромѣ напизма и бранить его какъ протестантъ и рационалистъ.

Путѣшества должны были доставить Шлецеру позваніе дѣйствительнаго состоянія всей Европы, развитіе въ немъ тотъ смыслъ къ дѣйствительной жизни, котораго такъ мало у Нѣмецкихъ ученыхъ. Но это вліяніе на Шлецера, какъ ученаго, условливалось его отношеніемъ къ наукѣ и тѣмъ состояніемъ самой науки въ Германіи, въ какомъ она находилась въ его время. Въ общемъ направленіи она далеко не достигала до общечеловѣческихъ началъ, которыя могутъ развитіе въ челоуѣкѣ сочувствіе съ происшествіями различныхъ странъ и народовъ, и пробудить то глубокое чувство истины, которое независимо отъ временныхъ и случайныхъ явленій. Только предчувствіе этихъ началъ руководило наукой. обремененной дробными изслѣдованіями частныхъ явленій, едва начинавшихъ строиться въ цѣлое. Изъ Россіи Шлецеръ вывезъ многочисленные матеріялы для своихъ ученыхъ трудовъ; послѣ путешествія во Францію написалъ книгу о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя путешественнику: въ Италіи собралъ нѣсколько рукописей и данныхъ для статистики. Онъ не имѣлъ даже ни одной готовой общей мысли, которую развивая, можно бы логически построить, про свой обиходъ, систему и подъ ея угломъ смотрѣть на явленія, какъ дѣлали многіе изъ его современниковъ. Безсвязно онъ принималъ разнородныя впечатлѣнія со всею силою ихъ разнородности, одно изъ нихъ закрывало другое и общимъ слѣдствіемъ всѣхъ оставался одинъ безразличный взглядъ, хладнокровное *nil admirari*, какъ говоритъ самъ Шлецеръ, вотъ что доставили